УДК 343.21

НАЗАРЕНКО Г.В.

Уголовно-правовая политика: средства и приемы модернизации

Статья посвящена уголовно-правовой политике Российской Федерации. Автор исследует политико-правовые факторы, которые остались вне поля зрения политологов. В статье показано, как уголовная политика изменяется специальными приемами и средствами.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, приемы изменения уголовной политики, средства модернизации политики.

Разработка теоретических основ уголовно-правовой политики относится к числу наиболее значимых проблем правовой науки, о чем свидетельствуют публикации Н.А. Беляева, А.И. Бойко, М.Ю. Воронина, Н.П. Панченко, Б.Т. Разгильдиева, Е.В. Львовича, Н.А. Лопашенко и других авторов[1]. В научной литературе политико-правового профиля подробное освещение получили такие категории, как понятие, принципы, содержание уголовно-правовой политики, виды, задачи и функции уголовной политики, структура, стадии и направления правовой политики.[2] Вместе с тем, несмотря на явные изменения уголовно-правовой политики, которые нашли свое отражение в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации, привели, по словам Э.Ф. Побегайло, к «безудержной либерализации и гуманизации уголовного законодательства и правоприменительной практики», проблематизация явлений, которые обеспечили ультралиберальную трансформацию уголовного закона, в политико-правовой науке отсутствует.[3]

Ведущие правоведы-политологи справедливо считают, что государственная политика противодействия преступности в России не соответствует криминологической реальности, так как радикальная либерализация уголовно-правовой политики осуществляется на фоне неуклонного роста преступности (более 3 миллионов регистрируемых преступлений ежегодно) и неблагоприятных тенденций, свидетельствующих о том, что «Россия постепенно превращается в криминальное государство». При этом авторы оперируют многочисленными статистическими данными, признанными показать, что число зарегистрированных преступлений – это лишь надводная часть айсберга, так как, по экспертным оценкам, реальный массив преступности (с учетом ее латентности) во много раз превышает зарегистрированный массив.[4]

Критика современной уголовно-правовой политики стала традиционным лейтмотивом всех публикаций, не только посвященных уголовной политике, но и в какой-либо степени затрагивающих те или иные аспекты уголовного права. Критические экскурсы многие авторы завершают предложениями, направленными на совершенствование действующего Уголовного кодекса. Количество таких предложений столь велико, что законодатель не в состоянии их учесть, а качество предлагаемых вариантов столь различно, что их сравнение, оценка и выбор потребуют десятки лет.

На наш взгляд, более перспективным направлением модернизации уголовно-правовой политики является не критика, а

исследование законодательно-технических средств и приемов модернизации уголовно-правовой политики, то есть тех средств и приемов, которые позволяют изменить соответствующую политику в направлении, заданном интересами общества. Поскольку в работах по уголовной политике указанная проблема не затрагивается, обратимся к публикациям по законодательной технике, хотя и лишенным политической окраски, но вполне пригодным для того, чтобы установить взаимосвязь между приемами и средствами, которые использует законодатель в целях последующей трансформации уголовной политики.

Для изменения уголовно-правовой политики законодатель использует такие незамысловатые приемы, как изъятие из действующего уголовного закона наиболее репрессивных уголовно-правовых предписаний, введение в Уголовный кодекс новых предписаний, либерализующих уголовную ответственность, включение в него примечаний, ограничивающих режим применения статей Особенной части УК РФ, перемещение предписаний из одних уголовно-правовых институтов в другие, менее репрессивные либо не имеющие репрессивной природы, редактирование заголовков, диспозиций, санкций и примечаний, рассчитанное на сужение уголовной ответственности и сокращение наказуемости.

В юридической литературе указанные приемы не получили достаточного освещения, так как основное внимание уделяется криминализации и пенализации общественно опасных деяний, то есть проблемам отнесения деяний, представляющих опасность для общества, в разряд преступных действий (бездействия), и определению видов и размеров наказаний. Декриминализации и депенализации при таком подходе отводится роль маргинальных технико-юридических проблем, которые, несмотря на их тесную связь с уголовно-правовой политикой, рассматриваются постфактум как некое дополнение к доминантным уголовно-правовым проблемам. Между тем декриминализация (по выражению В.Н. Кудрявцева, криминализация со знаком минус), которая заключается в исключении уголовной ответственности за ранее преступные деяния, и депенализация (по Н.А. Лопашенко, антипод пенализации), которая понимается как сокращение либо отмена применяемых наказаний, являются основными методами либерализации современной уголовной политики России.

Стремление законодателя к изменению уголовно-правовой политики проявилось и проявляется в лавинообразном принятии федеральных законов, изменяющих и дополняющих УК РФ. С 1998 по 2011 г. принято и введено в действие 106 таких законов, в том числе 2 – в 1998 г., 7 – 1999 г., 8 – 2001 г., 8 – 2002, 7 – 2003 г., 5 – 2004 г., 2 – 2005 г., 4 – 2006 г., 10 – 2007 г., 8 – 2008 г., 11 – 2009 г., 23 – 2010 г., 11 – 2011 г.[5] Таким образом, в течение небольшого по меркам истории срока в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации внесено 1014 изменений в виде редакционных поправок, исключения уголовно-правовых предписаний, примечаний и введения в Кодекс новых статей, частей либо пунктов, дополняющих имеющиеся статьи, многочисленных примечаний и перемещения уголовно-правовых предписаний в рамках уголовного закона.

В качестве средств изменения уголовно-правовой политики выступают правовые дефиниции, фикции, юридические конструкции и примечания. В юридической литературе указанные средства рассматриваются как «способы организации юридической материи, приемы правотворческой техники», «инструменты законодательной техники»[6], то есть им традиционно придается сугубо технико-юридическое, правотворческое, но не политико-правовое значение. При этом правовые фикции считаются «нетипичными средствами юридической техники», несмотря на их активное использование в целях модернизации уголовно-правовой политики. Что касается примечаний, теоретики права оценивают их неоднозначно: с одной стороны, положительно, если без примечаний невозможно обойтись, с другой стороны, отрицательно, так как примечания якобы усложняют законы. В этой свя-

зи Т.В. Кашанина и другие авторы высказывают мнение, что широкое использование примечаний в нормативно-правовых актах себя не оправдывает.[7] При этом совершенно упускается из виду количественный прирост примечаний в УК РФ в течение последних десяти лет, их влияние на режим применения уголовно-правовых предписаний, иначе говоря, не принимается во внимание политико-правовая роль примечаний, их воздействие на уголовную политику.

Действующее уголовное законодательство содержит множество законодательных дефиниций, причем одна часть уголовно-правовых дефиниций является самостоятельными уголовно-правовыми предписаниями (что отмечается в литературе), другая часть дефиниций сформулирована в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. Уголовно-правовые дефиниции оказывают существенное воздействие на уголовно-правовую политику: самостоятельные дефиниции в случае их изменения значительно трансформируют правовую природу уголовно-правовых категорий, а сопроводительные дефиниции (дефинитивные примечания) в определенной мере определяют режим применения норм Особенной части. Показательным примером в первом отношении является переопределение конфискации имущества, которое произведено Федеральным законом от 08.12.2003 № 262-ФЗ. Ранее законодатель рассматривал конфискацию имущества как вид наказания, который предусматривал «принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного» (ст. 52 УК). В настоящее время уголовный закон (ст. 104.1 УК) предусматривает конфискацию в качестве меры уголовно-правового характера, которая не является наказанием и применяется в целях изъятия денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений либо предназначенных для финансирования преступной деятельности или использования в качестве средств совершения преступлений. Наглядным примером примечания-дефиниции, изменяющей практику применения нормы Особенной части УК РФ, является дефиниция преступлений экстремистской направленности, сформулированная в п. 2 примечания (в ред. Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ) к ст. 281.1 УК РФ об ответственности за организацию экстремистского сообщества.

Наиболее заметное воздействие на уголовно-правовую политику оказывают примечания-уточнения. В литературе отмечается, что примечания-уточнения составляют обширную группу правовых предписаний, конкретизирующих оценочные признаки преступлений. При этом количество уточнений превышает количество примечаний, так как законодатель в ряде случаев конкретизирует в одном примечании несколько оценочных признаков. За период действия уголовного закона законодатель неоднократно изменял содержание таких примечаний и тем самым смягчал наказуемость преступных деяний. Так, в первоначальной редакции УК РФ п. 2 примечания к ст. 158 «Кража» оценочный признак «крупный размер» равен стоимости имущества, в пятьсот раз превышающей МРОТ, а в редакции ФЗ-162 от 08.12.2003 и № 283 от 30.12.2006 г. фигурирует стоимость имущества, превышающая 250 тысяч руб. Кроме того, в качестве особо крупного размера кражи указан один миллион руб.

Но, пожалуй, самым эффективным средством либерализации уголовно-правовой политики выступает использование юридических конструкций, элементами которых являются категории преступлений, указанные в ст. 15 УК РФ, то есть категории преступлений небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления. Юридические конструкции представляют собой «схемы-шаблоны», которые законодатель использует при разработке нормативно-правовых актов.

Указанная нами юридическая конструкция имеет место в нескольких институтах уголовного права, определяющих характер проводимой государством уголовной политики. Категории преступлений используются при конструировании

таких институтов, как неоконченное преступление (ст. 30 УК), соучастие в преступлении (ст. 35 УК), наказание (ст. 46, 48, 53.1, 56, 57, 58, 59 УК), назначение наказания (ст. 61, 69, 74 УК), освобождение от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 78, 79, 80, 80.1, 82, 83 УК) и предписаний других правовых институтов.

Представляется, что дальнейшее исследование политико-правовых проблем использования специфических приемов и средств воздействия на уголовно-правовую политику является многоаспектным направлением, так как российская уголовная политика имеет сложную структуру, которая охватывает все сферы противодействия преступности: законодательную, правоохранительную и судебную, включает в себя дифференцируемые виды политики, такие как уголовно-правовая, криминологическая и уголовно-исполнительная.

[1] См., например: Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986; Босхолов С. Основы уголовной политики. М., 2004; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009.

[2] См.: Тер-Акопов А.А. Уголовная политика Российской Федерации: Учебное пособие. М., 2003. С. 4–31.

[3] См.: Алексеев И.А. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / И.А. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. М., 2006. С. 15.

[4] См.: Алексеев И.А. и соавт. Указ. раб. С. 9.

[5] Ситникова А.И. Законодательная текстология: уголовно-правовой аспект: Монография. Саарбрюккен, 2006. С. 123–124.

[6] Кашанина Т.В. Юридическая техника: Учебник. М., 2007. С. 170–171.

[7] См.: Кашанина Т.В. Указ. раб. С. 118; Власенко Н.А. Основы законодательной техники. Иркутск, 1995. С. 36.